

В. Ф. ГЕНИНГ

СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПРЕДМЕТ И НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Одной из характерных особенностей развития современного научного познания является обращение конкретных наук к проблемам организации системы научных знаний, логики их развития. Огромный интерес, в том числе и в археологии, проявляется в настоящее время к методологии, которая рассматривается как «способ подучения и организации знания в процессе отражения действительности с целью ее преобразования». Важнейшее значение в разработке методологии имеет гносеологическая основа, на которой формируется наше знание. Именно в гносеологических основах обнаруживаются принципиальные различия марксистско-ленинской и буржуазной науки, особенно в науках об обществе.

Методология конкретной науки представляет «собой в логическом отношении синтез всего теоретического содержания философии диалектического материализма и основных законов и принципов данной области наук, а по своей структуре мыслится как система идей, включающая: а) главные методологические принципы данной области наук, б) законы взаимной связи и принципы использования методов исследования, в) логический анализ основных понятий и законов данной области наук»¹.

Методология конкретной науки всегда органически вплетается в саму суть ее, в исследовательский процесс познания. Она выступает не как особый раздел науки, а как аспект познавательной деятельности, как система, устанавливающая определенный порядок, правила, принципы научных исследований. В полной мере это относится и к наукам об обществе. «Стало очевидным,— пишет М. А. Барг,— что дальнейший прогресс этих наук находится в прямой зависимости от того, насколько общие категории и законы исторического материализма предстанут для каждой данной науки в качестве особой системы ее марксистской методологии»².

Разработка методологических вопросов — одна из актуальнейших задач современной советской археологии. В любой науке всегда имеются теоретический и эмпирический уровни, взаимоотношения которых в процессе научного познания отличаются подвижностью, диалектичностью. Эмпирический материал накапливается довольно быстро и в большом количестве. Вначале он, как правило, подтверждает теоретические

построения, а затем перерастает их и обнаруживает в них противоречивость. Встает вопрос о разрешении этих противоречий, и возникает новая теория, которая разрешает не только противоречия, но и охватывает новую, гораздо более широкую и богатую, предметную область. Такова диалектика познания. Такую же картину дает и история развития археологии.

Накопление большого материала на заре развития археологической науки в первой половине XIX в. привело к появлению ряда теоретических выводов во второй половине века (труды Г. Мортилье, О. Монтелиуса, Г. Коссины и др.). В большинстве теоретических построений этих ученых господствовали формальнологические схемы, многое было перенесено механически из естествознания. Но первоначально эти теории, безусловно, содействовали дальнейшему развитию науки, и последующий период стал временем бурного расцвета эмпирических исследований в археологии.

С приходом в археологию советских ученых все больше стали обнаруживаться противоречия господствовавших тогда теоретических построений, которые и были подвергнуты критике с позиций марксизма. Многочисленные теоретические работы советских археологов 20—30-х годов явились первыми шагами в становлении археологии на общеметодологические позиции исторического материализма. Естественно, что этот процесс обновления коснулся самых основ конечной цели данной науки — утверждения марксистских общесоциологических законов в теории развития первобытных и раннеклассовых обществ. Не удивительно, что наибольшее значение имели работы, посвященные общей теории развития первобытности как особой социально-экономической формации, а также проблемам периодизации ее и социологического осмысления главным образом тех категорий археологического материала, которые были связаны с характеристикой социально-экономической структуры общества³. Эти исследования утвердили марксистские позиции в археологии, поставили ее на новую теоретическую основу.

Работы советских археологов 40—60-х годов дали прекрасные образцы соединения эмпирического и теоретического исследований в целом ряде работ по социально-экономической истории конкретных обществ. Несомненно, крупным вкладом в науку были монографические исследования П. П. Ефименко по палеолиту, Т. С. Пассек и С. Н. Бибикова — по трипольской культуре, С. В. Киселева — по истории Южной Сибири, Б. А. Рыбакова — по ремеслу Древней Руси⁴, а также серии очерков по древнейшей истории, всемирной, СССР и отдельных республик или областей, написанных, главным образом, археологами.

В 50—60-х годах теория обращается, большей частью, к проблемам этнической истории, так как этот аспект раньше не рассматривался. А именно: этническая сторона истории тесно соприкасается со жгучей проблемой собственно археологии — выделением археологических культур⁵.

Однако в последнее десятилетие обнаруживается чрезмерный крен в сторону чисто эмпирических исследований и отставание теории. Накопился огромный фактический материал, научное осмысление которого

требует не только новых методических приемов, но и новой теоретической базы. Это достаточно хорошо видно на примере дискуссий по проблемам отдельных эпох или культур, которые не привели пока к положительным результатам; на примере некоторых статей, призывающих к теоретической разработке методологических проблем; организации теоретических семинаров в ряде научных учреждений, где обсуждаются проблемы методов и методологии археологических исследований⁶.

Совершенно очевидно, что в нашей науке вновь сложилась ситуация, когда эмпирический материал вскрывает ряд противоречий в теории и требует нового осмысления на более высоком теоретическом уровне. На повестку дня поставлен вопрос о разработке теоретических основ археологии как науки, обладающей не только специфическими источниками и приемами исследования, но и базирующейся на определенных теоретически обоснованных собственных методологических принципах⁷. В современном науковедении достаточно хорошо разработаны критерии, определяющие ступени научного познания и в соответствии с ними — и методы исследования⁸. Анализ уровней познания в археологии позволит точнее определить первоочередные познавательные задачи как в эмпирической, так и в теоретической областях, более аргументированно решать конкретные проблемы.

Одной из центральных задач в организации четкой логической структуры науки является определение ее объекта и предмета. Эта кардинальная проблема была вновь поставлена в советской археологии в последние годы, но она по-прежнему остается малоисследованной. Наметились уже и существенные расхождения в ее решении⁹. В какой-то мере это можно объяснить различными точками зрения в современном науковедении на определение объекта и предмета познания¹⁰.

Исследование этой проблемы имеет чрезвычайно важное значение для дальнейшего развития теоретического фундамента нашей науки, ибо именно эта сторона определяет структуру всей науки в целом, содержание ее законов, теорий, гипотез, методов и понятийного аппарата.

Категорией «закон», которая в конкретных науках служит «скелетом» основных понятий и теорий, строго говоря, в археологии до сих пор вообще не оперировали. Конечно, накопилось уже достаточно фактов, которые отражают некоторую эмпирическую закономерность, последовательность явлений, но их внутренняя зависимость еще не изучена. Так, эмпирически достаточно хорошо установлено, что вещи одного типа одновременны в пределах одной эпохи, или, допустим, существует связь соотношения костей различных животных в культурном слое с развитием различных отраслей хозяйства у древних обитателей и т. д. Но подобные эмпирические наблюдения, как и некоторые теоретические положения, еще не подняты до уровня законов и научных теорий в археологии.

Законы науки выступают в качестве исходных принципов для систематизации знаний и как костяк теоретических построений. Такие законы в археологии пока еще не сформулированы.

Научные теории концентрируют основные знания науки, в них они достигают определенной степени полноты. Теории служат как для систе-

матизации результатов достигнутых знаний, так и для движения вперед, к новым открытиям. Научная теория — это «совокупность понятий и суждений относительно некоторой предметной области, объединенных в единую, истинную, достоверную систему знаний с помощью определенных логических принципов»¹¹. В научной теории знания — всегда выводные, исходные положения для которых черпаются из понятий и законов науки. Теории могут быть частные, специфические и общие — в зависимости от характера фундаментальных законов, входящих в их структуру. В археологии на роль наиболее общей теории претендует, пожалуй, теория археологической культуры, отражающая наиболее полно и целостно объект археологической науки. Это осознано археологами уже довольно давно, поэтому, вероятно, именно вокруг этой проблемы неоднократно разгорались острые дискуссии, которые внесли в науку много нового, но не привели к окончательному решению¹². Главная причина здесь, очевидно, в том, что законы и понятия, на которых должна базироваться любая теория, сами не имеют четких определений, и большинство ученых пытались опереться в построении теории почти исключительно на эмпирический базис. Многие исследователи стихийно-эмпирически пришли к правильным решениям в области теории археологической культуры, но аргументированности, силу научной теории они все же не получили.

В последнее время в литературе поднята интересная проблема теории археологического типа¹³, имеющая чрезвычайно важное значение, ибо типология является ведущей, определяющей во всей системе археологических знаний проблемой. Однако в ее разработке обнаруживаются те же недостатки, что и в теории археологической культуры.

Одной из самых актуальных проблем современной археологии является разработка понятийного аппарата¹⁴. «Строго определить понятие — это означает найти такие границы его смысла, которые обеспечили бы однозначное его употребление во всех возможных высказываниях теории и исключили бы возможность появления в теории связанных с ним логических парадоксов»¹⁵. К сожалению, даже такие широкоупотребляемые понятия, как «факт», «памятник», «тип», «культура» и многие другие, совершенно не определены как научные понятия в специфическом приложении к археологии. Без разработки системы понятий немислимы серьезные теоретические исследования.

Метод познания, как вторая важнейшая составная часть науки, не получил должной разработки в теоретической археологии. Несомненно, что в основе нашего познания лежит марксистско-ленинский диалектический метод, который выступает как всеобщий метод познания. Но в чем конкретная специфика совокупностей приемов и операций, ведущих к достижению знаний в археологии, имеющей свои многочисленные особенности как в исходном материале (факты), так и в научно-теоретических построениях? Используемые нами методы анализа, синтеза, аналогий, сравнений, моделирования и т. д. до сих пор теоретически не обобщены, не исследованы их логическая структура, гносеологическое обоснование применительно к специфике археологической науки.

В силу массовости археологических источников и больших масшта-

бов эмпирических исследований нами применяются различные методы количественного анализа, связанные с известной степенью математизации исходных данных¹⁶. Методы эти, безусловно, весьма перспективны. Следует иметь в виду, что применение их требует также тщательного изучения познавательных задач, связанных со спецификой археологических исследований. Количественные методы анализа нередко применяются в археологии по аналогии с другими науками. При применении этих методов всегда необходимо предварительно определить параметры измерений и способы выражения математических результатов в логической форме, чтобы строить теоретические заключения. Последние — важнейший элемент метода количественного анализа, определяющий его ценность в целом. Сформулировать познавательные задачи различных количественных методов анализа в конечном итоге опять-таки можно лишь исходя из теоретических построений и задач.

В современную науку все активнее входит системный метод познания, который представляется наиболее перспективным также и в археологии. Однако здесь он еще не получил своего развития.

Рассматривая археологию со стороны организации системы и методов ее знаний, со стороны логической организации системы взаимосвязанных теорий, можно говорить если не об отсутствии, то, по крайней мере, о чрезвычайно большом отставании теоретических исследований в археологии на данном этапе ее развития. Казалось бы, теоретические исследования в археологии довольно распространены. Действительно, когда мы выходим за пределы систематизации материалов на уровень их сравнительного анализа и интерпретации, — это уже теоретические построения. Но вопрос в том, каков уровень этих теоретических построений, на каких законах они базируются, насколько объективно и полно отражают изучаемое явление и, наконец, какими научно обоснованными методами получены эти теоретические выводы? Именно эти моменты и отражают уровень зрелости науки, способности ее к саморазвитию и обогащению новыми открытиями. И в этом плане приходится констатировать: дело, по-видимому, не столько в том, что у нас нет методологических принципов или отдельных методологических и теоретических положений, а в том, что они до сих пор научно не сформулированы и теоретически не обоснованы. Поэтому одна из ближайших задач в развитии археологии должна состоять в упорядочении всей системы наших знаний, что не может обойтись без их критического анализа и теоретического обоснования.

* * *

Разработка методологии * требует прежде всего четкого научного определения самой археологии как самостоятельной науки во всей системе общественнознания и исторических наук, специфического предмета ее исследования, чему до сих пор, к сожалению, уделялось еще очень

* Доклад, прочитанный на секции теории и методики пленума Института археологии, посвященного итогам археологических исследований 1971 г.

мало внимания¹⁷. Но прежде необходимо остановиться на некоторых вопросах взаимоотношения археологии и истории, наук, у которых конечная задача — реконструкция обществ прошлого — фактически одна и та же.

О различиях письменных и вещественных источников. Распространено мнение, что различие истории и археологии заключается, прежде всего, в исходном материале для исследования — в источниках: изучение письменных источников входит в сферу собственно истории, а вещественных — археологии¹⁸. Это положение можно признать верным лишь с формальной точки зрения, на уровне классификации источников, но не классификации наук.

Известно, что первобытная археология первоначально возникла вне исторической науки, ее пытались отнести даже к разряду естественных наук или наук на стыке естествознания и обществознания. В настоящее время определилась неразрывная связь археологии и истории и, несмотря на это, археология получила всеобщее признание как самостоятельная наука, что, очевидно, отражает наличие каких-то более глубоких объективных различий между этими науками, определяющих их предметы. Прежде чем перейти к рассмотрению совокупности этих различий, необходимо разобраться в различиях источников — вещественных и письменных.

Вещественные и письменные источники — это категории принципиально различного содержания и с научной точки зрения они не только не равнозначны, но и прямо не сопоставимы.

Письменный источник — это документ (в самом широком смысле этого термина), в котором с той или иной полнотой и достоверностью зафиксированы в обобщенном виде явления и факты человеческой деятельности. Они отражают сконструированные образы идеализированных объектов действительности, созданные (и изложенные) в субъективном представлении индивида — автора документа. Это словесная информация о действительности в субъективном изложении.

Эти идеализированные объекты и лежат между исследователем и завершившейся человеческой деятельностью. Это опосредствованный вид источников. Подобный характер источников предопределен самим объектом исторической науки — прошлым конкретных человеческих обществ, которое невозможно повторить, воспроизвести экспериментально, как в естественных науках. Кроме того, сказалась и определенная традиция в формировании науки истории, которая на протяжении длительного времени удостаивала вниманием только «цивилизованные общества», обладавшие письменностью. Это и определило характер источников — информация, изложенная в письменном виде.

Письменные источники представляют собой «зафиксированные эксперименты» человеческой деятельности, лишь опираясь на теорию, можно определить их ценность и место в освещении прошлого. Именно поэтому теория в исторической науке имеет решающее значение. Известно также, что только с появлением марксистского учения об историческом материализме история стала наукой в полном смысле слова. В. И. Ленин писал, что «...Маркс... впервые поставил социологию на научную

почву, установив понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественноисторический процесс»¹⁹.

Совершенно иной характер и содержание имеют вещественные источники, изучение которых лежит в основе археологии. Вещественные источники — орудия труда, оружие, украшения, остатки жилищ, погребений и т. д. и т. п. — представляют собой непосредственный продукт человеческой деятельности, это непосредственные остатки самой действительности. В отличие от письменных источников, которые передают обобщенно и опосредствованно факты и явления, вещественные источники представляют собой непосредственно индивидуальные факты и явления. Каждый такой индивидуальный факт есть овеществленный опыт, накопленный человечеством, это остатки самого «эксперимента человеческой деятельности».

В этих фактах нам не даны ни результаты того, как они осмысливались их носителями, ни их социальная значимость в деятельности людей, ни те результаты, к которым они в конечном итоге привели. Отсюда встает первоочередная задача археологии — понять социальную сущность и значимость индивидуальных фактов, соединить их между собой, восстановить картину того, как протекал весь процесс, т. е. осмыслить вещевые остатки как проявление определенной деятельности людей и облечь их в форму образов, идеализированных объектов действительности, фактически превратив их в информацию типа «письменных источников». Разница будет состоять лишь в том, что подлинные письменные источники создавались и осмысливались (оценивались) людьми того времени, а «письменные источники», созданные археологами, есть результат научного исследования подлинных объектов действительности в оценках современного ученого-исследователя.

Таким образом, письменные источники содержат опосредствованные факты и явления действительности, в то время как вещевые источники являются непосредственными фактами деятельности людей.

Археология как самостоятельная наука. Наука, претендующая на самостоятельное существование как отдельная область знаний, должна четко определить объект и специфический предмет своего исследования. Она лишь тогда становится наукой, когда открывает определенные законы развития какой-то части объективного мира, т. е. изучаемого ею объекта.

Археологию как науку чаще всего определяют как историю, изучающую исчезнувшие общества по остаткам материальной культуры²⁰. Но строго с научной точки зрения подобное определение не является определением предмета науки, а, скорее всего, указывает на ее конечные задачи с оговоркой о специфике источников, т. е. специфический предмет археологии фактически подменяется предметом истории, изучающей совокупность явлений жизни конкретных обществ в различные эпохи и в различных странах как реализацию общих закономерностей социально-экономического развития человеческого общества.

Подмена предмета археологии предметом истории приводит нередко к путанице и в методике исследований, и в методологии.

Выделение объекта и специфического предмета исследования — важнейший методологический вопрос, который встает перед любой наукой, тем более формирующейся. Не всегда в теоретических трудах четко различаются объект науки и специфический предмет исследования. В частности, в археологии объект не вызывает особых сомнений, а что касается предмета, то здесь предстоит еще глубокое всестороннее исследование.

Объектом изучения археологии являются овеществленные остатки социальной деятельности людей (коллективов, обществ) прошлого. Социальная деятельность здесь понимается в самом широком смысле — как разнообразные человеческие отношения с окружающим миром, как разностороннее проявление человеческой сущности. «...Человеческая действительность, — писал К. Маркс, — столь же многообразна, как многообразны *определения* человеческой сущности и человеческие деятельности»²¹.

Человеческая деятельность представляет собой непрерывный процесс, совершающийся в условиях определенной социальной организации, поэтому эта деятельность всегда социально обусловлена. Она осуществляется как воспроизводство человеком самого себя, как воспроизводство материальных условий своего существования в процессе активного воздействия на окружающую природу, как воспроизводство общественной структуры и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями.

Все эти стороны социальной деятельности в той или иной мере и полноте овеществляются прямо или косвенно в определенных объектах, остатки которых сохраняются в археологических памятниках.

К. Маркс писал, что «...в процессе труда деятельность человека при помощи средств труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте». И далее: «Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности [Unruhe], теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства [ruhende Eigenschaft], в форме бытия»²². Именно эти конечные результаты деятельности в форме вещественных источников и служат объектом изучения археологов.

Эти овеществленные остатки во всем их огромном многообразии объединяются в понятие «археологические памятники», или «вещественные источники». Не следует, очевидно, сужать это понятие, включая сюда лишь предметные остатки. Абсолютно все, что только фиксируется при археологических раскопках, будь то различные предметы (орудия, оружие, утварь, отходы производства, украшения и т. д. и т. п.) или остатки сооружений, могил, взаиморасположение объектов, их размеры и прочее — все это овеществленные остатки человеческой деятельности, вещественные источники, археологические памятники — объекты изучения археологии.

Специфика предмета археологии вытекает из специфики ее объекта, ее источников. Коль скоро объектом нашего изучения являются овеществленные остатки человеческой деятельности, вошедшие в продукты его труда — предметах, сооружениях, то, очевидно, специфи-

ческим предметом археологии должно быть изучение основных закономерностей процесса овеществления социальной деятельности людей (коллективов, обществ) на различных этапах развития, вскрытие конкретного многообразия путей овеществления этой деятельности в условиях общенациональной закономерности развития общества. Без этого мы не сможем раскрыть сути изучаемого объекта.

Человеческая деятельность чрезвычайно многогранна. Для того чтобы подойти к изучению ее по археологическим материалам, следует, по-видимому, выделить определенные сферы ее: производственную, общественную, бытовую, этническую, идеологическую и т. д. Каждая из этих сфер связана с определенными предметными отношениями и имеет свою специфику в овеществлении. Лишь раскрыв законы овеществления социальной деятельности, возможно правильно понять, какие стороны общественной жизни и в каком плане отражают те или иные вещественные остатки, результатом какой конкретно сферы деятельности людей они являлись и, наконец, какова внутренняя взаимосвязь этих остатков со структурой общества.

Опираясь на законы овеществления социальной деятельности, возможно преобразовать информацию, скрытую в вещественных источниках, в информацию социологического характера, которая может быть источником для реконструкции картины исторического развития того или иного общества. Но это преобразование должно быть поставлено на строго научную основу, оно должно проводиться по своей методике и методологии исследования, отличным от других наук, в том числе истории.

Из всего сказанного не следует, что в задачу археологии не входят собственно исторические исследования. В силу своеобразия и специфики той информации, которую мы извлекаем при изучении вещественных источников, сохраняются существенные различия между историей археологической и историей письменной, поэтому и завершающий этап исторического исследования также проводится в археологии. И поскольку объектом изучения археологии являются овеществленные остатки социальной деятельности людей обществ прошлого, постольку понять объективную сущность этих остатков можно лишь опираясь на знание закономерностей исторического развития общества, опираясь на методологические основы исторического материализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Ф. Сержантов. Введение в методологию современной биологии. Л., 1972, стр. 17.

² М. А. Барг. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса.— В кн.: Очерки методологического познания социальных явлений. М., 1970, стр. 249.

³ А. Н. Бернштам, Е. Ю. Кричевский. К вопросу о закономерности в развитии архаической формации. (К разработке теоретического наследия Маркса, Энгельса, Ленина) — ИГАИМК, т. 13, 1932, вып. 3, стр. 1—52; Б. Л. Богаевский. Ленин о первобытном коммунизме.— В сб.: В. И. Ленину Академия наук СССР. Л., 1935, стр. 761—784; П. И. Борисковский. Производительные силы дорогового

общества. — В сб.: *Первобытное общество*. М., 1932, стр. 64—76; А. Я. Брюсов. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа. — «Труды секции теории и методологии РАНИОН», т. 2, 1928, стр. 9—34; С. Н. Быковский. Доклассовое общество как социально-экономическая формация. — СЭ, 1934, № 1—2, стр. 6—39; он же. Ленин и основные проблемы доклассового общества. М. — Л., 1935; он же. Методика исторического исследования. Л., 1931; он же. Ф. Энгельс и проблема периодизации истории доклассового общества. — СЭ, 1934, № 6, стр. 17—39; П. П. Ефименко. Маркс и проблемы древнейшего периода первобытно-коммунистического общества. — ИГАИМК, 1934, вып. 81, стр. 3—29; Б. С. Жуков. Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп (по материалам волгофинских погребенных культур). — В сб.: *Культура и быт населения Центральной промышленной области*. М., 1929, стр. 31—35; С. В. Киселев. Поселения. — «Труды секции теории и методологии РАНИОН», т. 2, 1928, стр. 35—68; Е. Ю. Кричевский. Взгляды Маркса на доклассовое общество. — ПИМК, 1933, № 3—4, стр. 15—26; он же. Развитие производства родового общества. — В сб.: *Первобытное общество*, стр. 155—198; Ф. В. Кипарисов. Вещь — исторический источник. — ИГАИМК, 1933, вып. 100, стр. 3—22; Н. М. Маторин. Первобытный коммунизм. — В сб.: *Первобытное общество*, стр. 5—26; Т. С. Пассек. К вопросу о приеме сравнения в истории материальной культуры. — ИГАИМК, 1933, вып. 100, стр. 329—341; В. И. Равдоникас. За марксистскую историю материальной культуры. — ИГАИМК, т. 7, 1930, вып. 3—4, стр. 94; он же. О закономерности развития доклассового общества. — ПИМК, 1933, № 9—10, стр. 4—13; он же. О периодизации истории доклассового общества. — В сб.: *Проблемы истории докапиталистического общества*. М. — Л., 1934, № 7—8, стр. 72—87; он же. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества. — «Сообщения ГАИМК», 1931, № 9—10, стр. 5—32; А. В. Шмидт. В. И. Равдоникас. О развитии взглядов Маркса на первобытное общество. Л., 1931; А. В. Шмидт. Типы родового общества по археологическим данным. — В сб.: *Первобытное общество*, стр. 235—254; он же. О хронологии доклассового общества. — ПИМК, 1933, № 1—2, стр. 7—15.

⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. — МИА, 1949, № 10; С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. — МИА, 1953, № 38; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; Всемирная история, т. 1, М., 1956, гл. 1—3, 8, 18, 27; Очерки истории СССР, т. 1, М., 1956; т. 2, 1958; История культуры древней Руси, т. 1. М. — Л., 1951; История Эстонской ССР, ч. 1. Таллин, 1961.

⁵ М. И. Артамонов. К вопросу об этногенезе в советской археологии. — КСИИМК; 1949, вып. 29; он же. Этнос и археология. — В сб.: *Теоретические основы советской археологии*. Л., 1969; А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. — СА, 1956, № 26; А. Д. Удадьцов. Роль археологических материалов в изучении вопросов этногенеза в свете работ И. В. Сталина о языке. — В сб.: *Против вульгаризаторов марксизма в археологии*. М., 1953; А. А. Форжозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? — СА, 1957, № 4; П. Н. Третьяков. Этногенетический процесс и археология. — СА, 1962, № 4; Л. С. Клейн. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур. — СА, 1962, № 2; он же. Проблема определения археологической культуры. — СА, 1970, № 2; В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. — ВАУ, вып. 4, 1962, стр. 37—50; он же. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху (ч. 1, чегандинская культура). — ВАУ, вып. 10, 1970, стр. 175—188; А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре. — СА, 1964, № 4; А. Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности. (К вопросу о методике историко-археологических исследований). — «Народы Азии и Африки», 1967, № 1; И. С. Каменецкий. Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — СА, 1970, № 2, стр. 18—36.

⁶ Ю. Н. Захарук. О методологии археологической науки и ее проблемах. — СА, 1969, № 3; он же. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки. — СА, 1970, № 2, стр. 10; он же. К вопросу о содержании и структуре археологической теории. — «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР». Ташкент, 1973, стр. 43—46; Л. С. Клейн, С. С. Миняев, Б. Б. Пюстровский, О. И. Хейфиц. Дискуссия.

о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре ЛГУ.— Там же; Теоретические основы советской археологии; В. С. Бочкарев. К вопросу о структуре археологического исследования.— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР», стр. 56—60; Л. С. Клейн. О приложении идей кибернетики к построению общей теории археологии.— «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.» М., 1972, стр. 14—16; Б. А. Колчин. Интеграция наук и археология.— В сб.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970; Я. А. Шер. Некоторые вопросы теоретической археологии.— «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.», стр. 401—405; он же. К характеристике структуры общей археологии.— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР», стр. 53—56.

⁷ Ю. Н. Захарук. О методологии археологической науки..., стр. 12—13; он же, Ленинское теоретическое наследие..., стр. 10.

⁸ Методологические основы научного познания. Под ред. П. В. Шопова. М., 1972, стр. 120—175.

⁹ Г. П. Григорьев. О предмете археологии.— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР», стр. 41—43; Ю. Н. Захарук. О методологии археологической науки...; он же. Ленинское теоретическое наследие..., стр. 8—17; см. статьи В. Ф. Геннинга и В. Д. Викторовой по предмету археологии в настоящем сборнике.

¹⁰ Логика научного исследования. Под ред. П. В. Копнина и М. В. Поповича. М., 1965, стр. 295; Методологические основы научного познания, стр. 58, 60.

¹¹ Методологические основы научного познания, стр. 153.

¹² М. И. Артамонов. Этнос и археология; В. С. Бочкарев. К вопросу о структуре археологического исследования, стр. 56—60; А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности; В. Ф. Геннинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры, стр. 37—50; он же. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху..., стр. 175—188; Г. П. Григорьев. Культура и тип в археологии: категории анализа или реальности?— «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.», стр. 5—9; М. П. Грязнов. Классификация, тип, культура.— В сб.: Теоретические основы советской археологии, стр. 18—22; Ю. Н. Захарук. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука.— В сб.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма, стр. 7—16; он же. О методологии археологической науки...; он же. Ленинское теоретическое наследие..., стр. 8—17; И. С. Каменецкий. Археологическая культура—ее определение и интерпретация, стр. 18—36; Л. С. Клейн. Катакомбные памятники эпохи бронзы...; он же. Проблема определения археологической культуры; Л. С. Клейн, С. С. Миняев, Б. Б. Пиотровский, О. И. Хейфиц. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре ЛГУ; Э. С. Маркарян. Культурологические проблемы археологии.— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР», стр. 81—82; А. Л. Монгайт. Археологические культуры и этнические общности...; И. С. Пиоро. Этнос и археологическая культура.— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР», стр. 62—65; Э. В. Сайко. К вопросу о понятийном аппарате в современной археологии.— Там же, стр. 60—62; А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре; П. И. Третьяков. Археологические культуры и этнические общности.— В сб.: Теоретические основы советской археологии, стр. 28—33.

¹³ В. С. Бочкарев. К вопросу о структуре археологического исследования, стр. 56—60; Г. П. Григорьев. Культура и тип в археологии: категории анализа или реальности?, стр. 5—9; М. П. Грязнов. Классификация, тип, культура, стр. 18—22; И. С. Каменецкий. К вопросу о понятии типа в археологии.— «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.», стр. 354—357; Г. С. Лебедев. Структурная типология погребального ритуала (по материалам Скандинавии эпохи викингов).— Там же, стр. 3—4; Г. Н. Матюшин. К вопросу о методах классификационного анализа пластинчатых изделий.— Там же, стр. 336—339; он же. К вопросу об основных принципах единой taxonomической системы и применение ЭВМ в археологии.— «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР», стр. 70—73; Н. Л. Подольский.

Об оценке классификационной значимости признаков.— «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.», стр. 395—398; А. Н. Рогачев. Методические и методологические основы классификации номенклатуры каменных орудий.— Там же, стр. 410—414.

¹⁴ Ю. Н. Захарук. О методологии археологической науки..., стр. 15; он же. Ленинское теоретическое наследие..., стр. 11; Б. А. Колчин. Интеграция наук и археология, стр. 47—48; Э. В. Сайко. К вопросу о понятийном аппарате в современной археологии, стр. 60—62.

¹⁵ Логика научного исследования, стр. 109.

¹⁶ А. А. Бобринский. Метод количественной оценки сходства и различия форм керамики (описание формальных процедур).— «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.», стр. 332—335; В. Ф. Геннинг. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок.— Там же, стр. 10—13; Д. В. Деопик. Соотношение статистических методов и стратиграфических данных в археологических исследованиях.— Там же, стр. 47—48.

¹⁷ С. Н. Быковский. О предмете истории материальной культуры.— «Сообщения ГАИМК», 1932, № 1—2, стр. 3—6; Ю. Н. Захарук. О методологии археологической науки..., стр. 11—12, он же. Ленинское теоретическое наследие..., стр. 9—10.

¹⁸ А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1941; Д. А. Авдусин. Археология СССР. М., 1967; он же. Полевая археология СССР. М., 1972, стр. 3, 4; Ю. Н. Захарук. О методологии археологической науки..., стр. 12.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 124—125.

²⁰ А. В. Арциховский. Введение в археологию, стр. 3; В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. 1. Л., 1939, стр. 11; Ю. Н. Захарук. О методологии археологической науки..., стр. 11—12.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 592, прим.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 191—192.